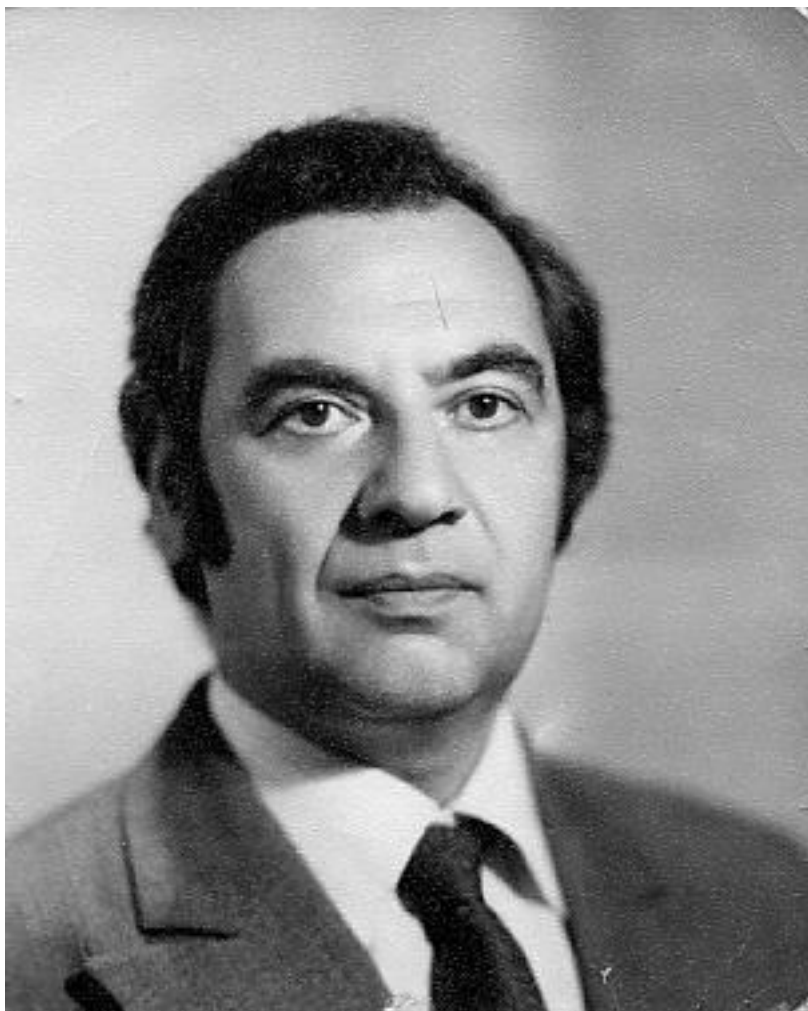

Юлий Анатольевич Шрейдер
(28 октября 1927 – 24 августа 1998)

Приведенный ниже текст был написан в 1999 г. для специального выпуска сборника «Научно-техническая информация»¹, посвященного памяти Ю.А.Шрейдера. Шрейдер был чрезвычайно талантливым и разносторонним человеком. Математик, философ, богослов. Лет 25 он проработал в системе научной информации и был там признанным авторитетом. Но самое главное – он был необыкновенно ярким человеком.

ЮА. был моим научным руководителем, долгое время – моим «непосредственным начальником» и, смею сказать, моим другом. Предлагаемый текст – не его «жизнеописание». Как и следует из заглавия – просто то, что я помню о нем. Светлая ему память.

---

¹ В.Б. Борщев. Что помнится (памяти Ю.А.Шрейдера), *НТИ, Серия 2*, № 8, 1999, 37-41. Текст был помещен также на моем московском сайте <http://vborschev.narod.ru/>, а так же на сайте «Библиотека Якова Кротова» http://krotov.info/spravki/history_bio/20_bio/shreider.html#_ftn1 и еще где-то.

Что помнится

Вместо предисловия²

В прошлом (1998) году в августе мы прилетели в Америку, и буквально на следующий день позвонила Саша Раскина³ – «Шрейдер умер...» А я привез ей письмо от него. В последний день перед отъездом мы специально встречались с Шихановичем: какое-то время тому назад Шрейдер просил его передать письмо, а он не смог воспользоваться какой-то своей оказией и теперь передал его мне. Кажется, Шрейдер умер именно в этот день, но мы этого не знали.

Уже тогда возник импульс – записать то, что я помню, все-таки мы были знакомы больше 35 лет. И я даже написал страничку. Но – суета, не продолжил. А сейчас Т.Н. Лаппалайнен⁴ сказала, что выходит специальный выпуск: «Если через пару дней что-нибудь дадите – успеете». Текст ниже – то, что написалось. Действительно за пару дней. Увы, второпях.

К Шрейдеру на работу

В марте 1962 года мы с Феликсом Рохлиным, моим другом и соавтором, поступили на работу в отдел № 15 несколько странной организации под названием ОМАИР. Этот ОМАИР был только что создан на руинах Лаборатории электромоделирования ВИНТИ и, судя по буквам, являлся не то Отделением, не то Отделом ВИНТИ и должен был заниматься Механизацией и Автоматизацией Информационных Работ. Командовал им Антон Михайлович Васильев, персонаж из солженицынского «Круга первого» (он был прототипом Яконова). А Юлий Анатольевич заведовал не только 15-ым отделом, но и доброй половиной всего ОМАИРа – вычислительной машиной УРАЛ-4, которую тогда, кажется, еще только покупали, отделом программистов и чем-то еще. Кроме того, ему было поручено заниматься машинным переводом. Начальство, кажется, считало, что проблема эта не слишком сложная. Васильев, например, был убежден, что американцы ее давно решили. Но, мол, пока не решена проблема автоматического ввода текстов в машину (чем в ОМАИРе, конечно, тоже занимались), они спрятали машинный перевод в заглашник.

Легенды

О Шрейдере мы с Феликсом слышали и раньше, когда были аспирантами ВИНТИ. Даже как-то встречались с ним, какую-то свою работу рассказывали. О нем ходили легенды. Был вундеркиндом, школу кончил лет в 14, университет – за три года. Еще в университете пришел к Гельфанду с решением проблемы континуума. Гельфанд, правда, нашел ошибку, но конструкция, предложенная Шрейдером, была интересна сама по себе и стала потом основой его кандидатской диссертации. В аспирантуру Шрейдера взяли в самый разгар антисемитизма, кто-то

---

² Написав этот текст, я послал его некоторым своим друзьям и знакомым. В затекстовых примечаниях (они метятся прописными латинскими буквами: А, В, С ...) я привожу, с разрешения авторов, некоторые комментарии – они существенным образом дополняют мои воспоминания.

³ А.А. Раскина, лингвист, родственница (точнее, свойственница Ю.А.). Работала в нашем отделе. Сейчас живет в США.

⁴ Татьяна Николаевна Лаппалайнен была редактором НТИ (сб. «Научно-Техническая Информация») в 1999 г., когда этот текст писался.

из именитых профессоров настоял. Но после аспирантуры, несмотря на блестящую диссертацию, в университете не оставили. Антисемитизм, увы, не исчез. И он работал вначале в разных конторах, занимающихся разработкой вычислительных машин, и в институте стали.⁵

Математика и прикладные задачи

Тогда было модным слово *кибернетика* и в «кибернетических» кругах у Шрейдера была репутация блестящего математика, умеющего видеть суть в разных «кибернетических» задачах. Я помню (это было еще до нашего знакомства) какой-то биологический доклад на кибернетическом семинаре Ляпунова в МГУ. О крысах в лабиринте – вначале они блуждают на пути к приманке, по ходу дела обучаются и в следующий раз уже бегут к приманке напрямиком. Биологи рассказывали о своих экспериментах, а Шрейдер делал содоклад о возможных формальных схемах обучения.

Шрейдер начинал, как математик экстра-класса. Блестящие способности и хорошая школа – мехмат МГУ, Гельфанд. Но ко времени, когда мы познакомились, он занимался, в основном, прикладными задачами. А тут главное – найти в интуитивно ощущаемой проблеме ее формальную суть, в идеале – математическую конструкцию, эту задачу описывающую. И у Шрейдера явно был вкус к такого рода задачам.

Меня, с моим инженерным образованием, интересовали как раз прикладные задачи. Глядя на Шрейдера, я тогда думал, что все математики умеют решать такие задачи. Только много позже я понял, что как раз с математиками это случается не часто. Большинство математиков прикладными задачами просто не интересуется. Некоторые берутся их решать, но построив конструкцию, мало заботятся о ее адекватности сути дела. Так что математиков типа Шрейдера не так уж много. Хотя, конечно, бывают и такие гиганты, как фон Нейман.

Я не собираюсь тут описывать его работы, оценивать, что он сделал в науке. Отмечу только, что его подход, точка зрения, постановка задачи – всегда были своеобразными, часто неожиданными. Приведу наугад несколько примеров.

Думая над Шенноновской теорией информации, которая игнорирует содержание передаваемых сообщений, он спрашивал – а какой должна быть семантическая теория информации, как формализовать понятие новизны и ценности информации. И пытался нащупать конструкцию.

Формальные грамматики, предложенные Хомским для описания синтаксиса естественного языка, описывались как порождающие процедуры. Это было частью их названия – *generative grammars*. Шрейдер предложил «топологическую модель языка», акцентирующую локальную правильность текста. Для каждого элемента текста можно указать набор допустимых «окрестностей» и грамматика может строиться, как набор таких окрестностей. Мы с Максимом Хомяковым развивали потом эту идею.

---

⁵ Повторяю, то, что написано в этом абзаце – это легенды, которые мы тогда слышали. Насколько я знаю, в общих чертах они соответствуют тому, что было на самом деле. Но и сами легенды – это исторический факт.

Шрейдер не боялся ревизовать даже основополагающие понятия, например, понятие множества. Он приводил примеры совокупностей, которые неестественно представлять как множества и пытался найти адекватную конструкцию для их описания.

Талант и щедрость

Шрейдер был необыкновенно одарен, и это сразу и всем бросалось в глаза, было как-то совершенно очевидно. У него была масса идей и он щедро делился ими. За те годы, пока он работал в ВИНТИ, у него было, наверное, несколько десятков аспирантов, и большинство из них делали работы по его идеям. В то же время, сильным аспирантам он предоставлял полную свободу и помогал только в организации защиты – подыскивал оппонентов и т.п.

Масса людей приходили к нему, рассказывали свои работы. Он почти никогда не отказывал, выслушивал. Был чрезвычайно доброжелателен. Но, главное, ему действительно было интересно слушать других людей, вникать в их идеи. И иногда он видел в работе смысл, который и сам автор не осознавал, понимал ее связи с другими исследованиями. То-есть помогал вставить работу в научный контекст.

Мне самому было важно рассказать ему работу, дать прочитать текст – его мнение всегда было особенно ценно. И его реакция – всегда интересна.

И, конечно, он сам много публиковался. Много – это слабо сказано. Он писал очень много. Было впечатление, что он может написать статью за один вечер. С одной стороны, писал он легко, у него был «писательский дар». С другой стороны, он работал над идеей, над проблемой, так сказать, в процессе писания. Люди бывают разные. Некоторые вначале должны сделать конструкцию, работу, могут рассказать ее, а потом уже пишут текст (причем иногда хорошие рассказчики пишут мучительно и не лучшим образом). Шрейдер же вначале писал, работа рождалась в процессе ее написания. Впрочем, может быть это в большей степени относилось к его более «гуманитарным» текстам.

Он опубликовал несколько сотен статей, кажется, больше семисот. И несколько книжек.

В области научно-технической информации он был самым цитируемым автором. (Строго говоря, это не совсем точно. На первых местах по цитированию были книжки Михайлова, Черного и Гиляревского. Но это особый случай, так сказать, основные монографии. Почти все пишущие в этой области ссылались на них в первую очередь именно как на основные монографии, чтобы обозначить принадлежность к области. А некоторые – просто, как на книжки начальства.) Научно-техническая информация, это, в общем-то, не совсем наука, это еще и область деятельности со своими методами, в том числе – теоретическими. И Шрейдер сыграл в этой области особую роль. Он создавал уровень. И своими статьями, и работами своих учеников. И тем, что рецензировал статьи в НТИ, оппонировал на защитах, просто участвовал в работе совета по защитах.^А

Его всегда интересовала не только наука, он рано стал писать тексты так сказать, общезначимые. И постепенно его интересы все больше смещались в сторону философии, этики, религии.

Он «пробовал себя» в разных жанрах: переводил сонеты Шекспира и сам писал стихи. А как-то снялся в кино, в каком-то научно-популярном (но игровом) фильме.

Начальник

Как я уже писал, когда Шрейдер пришел в ВИНТИ, ему под начало отдали целую кучу отделов. Но он всячески старался ограничить сферу своего «начальствования» и в конце концов остался только заведующим этого нашего отдела № 15. А потом образовался отдел Семиотики и наш бывший отдел стал одним из его секторов.

У «хорошего» начальника в советское время была одна очень важная роль – быть «интерфейсом» между советско-партийным начальством и своими сотрудниками. Т.е. быть таким двуликим Янусом: одно лицо – официальное – обращено к начальству, другое – человеческое – к подчиненным. Собственно, благодаря этому система, при ее нечеловеческой идеологии, и могла работать. На нижнем уровне, хоть и не везде, были нормальные человеческие отношения. Но начальник за эту «двуликость» платил свою цену.

И для нас Шрейдер был таким щитом, по возможности – хотя бы в работе – ограждая нас от этой советской системы. Конечно, полностью отгородиться от нее не было никакой возможности. Всякие овощные базы, колхозы, субботники. Но и тут Шрейдер первый удар принимал на себя, ходил на эти овощные базы чаще, чем все его сотрудники.

Отдел

Мне повезло с работой. Ведь это так много значит – кто вокруг, какая обстановка. Кто работал у нас? Назову только некоторые имена. О Феликсе Рохлине я уже говорил. Но он работал у нас недолго. Миша Арапов, Ninon Коваль, Марик Пробст, Саша Раскина, Леня Фрид, Леночка Ефимова, Максим Хомяков, мой второй соавтор. (Надо сказать, что в отделе Семиотики были и другие сектора, в которых тоже было много ярких людей, но обо всем не расскажешь.)

Обстановка, особенно в первые годы (до конфликта, о котором позже) была очень хорошая. Может быть, несколько безалаберная. Много треп, на самые разные темы. За жизнь. И кто что читал и слышал. Книжки разные ходили по рукам и обсуждались, здешние и английские. И всякий самиздат, и журналы – типа «Newsweek’a» и «Time’a» (никогда позже я так регулярно их не читал).

Но, в общем-то, при этом мы работали. И обсуждали работы друг друга. Всегда было несколько семинаров. Большой отдельский, «семиотический» (не очень понятно, что это значило, но мы работали в отделе Семиотики). Семинар этот организовали Шрейдер с Успенским, и он был, одно время, очень популярен в Москве. Помню доклады Кнорозова, Иванова, Аверинцева. Кроме того, всегда были «внутренние», рабочие семинары. И мы все время что-нибудь учили: теорию вероятностей или топологию. Польский или французский.

Вообще, академическая обстановка того времени – вещь очень интересная. Несмотря на несвободу внешнюю, внутри – в отделах, по крайней мере, во многих, – полная свобода. Можно заниматься всем, чем хочешь. Были, конечно, планы, утверждаемые начальством. Но они существовали сами по себе, а жизнь шла сама по себе. Такая свобода – и хорошо, и плохо. Хорошо, так как нет никаких внешних

рамок, можно работать над любыми идеями, которые приходят тебе в голову, вне всяких mainstream'ов. И время есть, не надо преподавать, разве что преподаешь где-нибудь на полставки, для денег. Плохо – по той же причине. Нет рамок, нет внешнего контроля со стороны того же mainstream'а. Даже при публикациях. Или «свой» журнал типа НТИ, где, в общем-то, ты сам себе контролер и редактор. А если и другой, «чужой», то в наших условиях, как правило, статью или берут, или не берут. Настоящего института рецензирования, который поддерживает уровень, почти нигде нет. Конечно, я описываю свой, естественным образом ограниченный опыт.

Партийность

Шрейдер был членом партии. Я не знаю точно, когда он туда вступил. Видимо, после 20-го съезда, когда у многих была такая идея: хорошим людям надо вступать в партию. Тогда и партия, и жизнь могут измениться к лучшему. Конечно, это была иллюзия (и ловушка). Может быть, сказало и то, что мама Шрейдера, как говорят, была не просто членом партии, но правоверной коммунисткой, несмотря на то, что ее мужа, Шрейдерова отца, забрали в 30-ые годы и он сгинул там.

Не думаю, чтобы он вступал в партию из карьеристских соображений, административная карьера его явно не привлекала. Разве что, будучи сыном репрессированного, евреем, ощутившим на своей шкуре государственный антисемитизм, он мог думать, что партийность может как-то защитить его.

Но в жизни нашей, советской, он, естественно, все понимал и относился к ее мерзостям естественным образом.

Благодаря своей партийности он мог быть маленьким начальником и создавать тот «интерфейс», о котором я писал. При этом у него в подчинении не было ни одного партийного. Ему было бы легче, если бы у него была парочка сотрудников «своих», но партийных. Но как-то не получалось. Как-то, еще видимо в первые годы существования нашего отдела, в начале шестидесятых, он предложил мне вступить в партию и сказал, что с удовольствием даст рекомендацию. Я несколько опешил и ответил, что «я считаю, что для моей карьеры это не нужно». Помню, что тогда я гордился своим ответом. Хотя что уж было гордиться – звонкая фраза. Больше он к этому не возвращался. (Мне тогда много раз предлагали вступить в партию, видимо, физиономия «вызывала доверие». А потом как-то перестали. Время изменилось, ввели, кажется, квоту «на интеллигенцию», и число карьеристов стало превышать число вакансий.)

А через много лет, кажется, в 84 году, Шрейдера исключили из партии. Я не помню деталей, в некрологе написано «за принадлежность к католической общине». Руководителей, кажется, арестовали, а Шрейдера вызывали на допросы в КГБ.^В И в результате сообщили в институт, исключили из партии, сняли с должности заведующего сектором. С работы, правда, не уволили, но перевели в другой отдел, на «низовую» работу – он писал и редактировал рефераты по информатике.

Он, естественно, был очень обеспокоен всем этим. И когда дело слегка улеглось, он хотел восстановиться в партии. Подавал апелляции во все более высокие партийные инстанции. Ему всюду отказывали.

Мы с Лидой⁶ обсуждали между собой эту ситуацию. Лида сказала: «Что же он так волнуется? Время сейчас не такое уж страшное. Ему же радоваться надо, что его исключили. Ведь не надо вести эту двойную жизнь. Это же шанс такой – освободиться...»

Я сказал об этом Шрейдеру. Для него это было как-то неожиданно. Но он сразу оценил это. Я не знаю, сразу ли он окончательно принял эту точку зрения – что так лучше. Но потом он много раз говорил мне, как это было важно для него – действительно, освободиться.

Конфликт

Наверное, надо рассказать историю, которая в свое время расколола наш сектор, поссорила многих людей. И имела некоторый «общественный резонанс». История – конфликт Шрейдера и Максима Хомякова, моего второго соавтора и друга.

Году в 74-ом (точной даты я уже не помню) Максим после какого-то громкого события (кажется, после высылки Солженицына) написал письмо в ЦК КПСС. Письмо было кратким. Оно состояло чуть ли не из одной фразы: «КПСС – дерьмо». Максим отослал это письмо (или отнес его, не помню), сказал об этом только нескольким людям, в том числе и мне. Не помню, говорил ли он об этом кому-нибудь в отделе. По крайней мере, Шрейдеру он точно об этом не говорил. И был готов к любым неприятностям, в том числе и к самым худшим.

Но – ничего не произошло. Может быть, в отделе писем ЦК оно попало к умному человеку, и тот просто выбросил его в корзину. У них хватало и других забот.

Прошел примерно год – ничего не было. Как-то мы с Максимом обсуждали эту ситуацию. Мы говорили – люди боятся всякого поступка, а как показывает этот случай, не всегда наступает кара. И тут я сыграл роль невольного провокатора. Я сказал Максиму – если бы описать эту ситуацию – для других людей это было бы полезно. Сказал – в процессе трепа. И забыл. А Максим действительно – взял и описал. (Может быть, подсознательно, ему было обидно. Совершил поступок – и как в песок, никакой реакции. Но это уже мои домыслы, домашний психоанализ.)

Так вот он написал текст и стал давать его своим знакомым. Пустил, так сказать, в самиздат. И тут уж он не мог не дать этот текст и Шрейдеру, хотя и я, и Миша Арапов, всячески его от этого отговаривали. Шрейдер – начальник, партийный, он в уязвимой ситуации. Но Максим считал, что до Шрейдера текст так или иначе дойдет. Лучше уж он сам ему его даст. И дал.

Шрейдер, естественно, испугался. Если дело всплывет (а вроде бы оно не может не всплыть, раз Максим дает текст налево и направо), ему не сдобровать. Особенно, если он сам не среагирует (ведь в тексте было сказано, что автор дает его всем своим знакомым). А как он мог реагировать?

Надо сказать, что Шрейдер и Максим и до этого не слишком любили друг друга. Не буду искать объяснений – какая-то химия. Эта взаимная и глубокая антипатия сказалась и сильно усложнила и без того сложную, эмоционально напряженную ситуацию.

---

⁶ Л.В. Кнорина (1944 – 1994), моя жена, лингвист. Тоже работала в ВИНТИ (но в другом отделе).

Шрейдер считал Максима провокатором (или уговаривал себя в этом). Он говорил, что если дело откроется – а оно не может не открыться – он находится в более опасной ситуации, чем Максим. Он партийный, начальник, и, в то же время, верующий. И КГБ может об этом знать.

Максим же считал, что Шрейдер просто трус, что он встает на защиту мерзкой системы и готов его (Максима) наказать своими руками, не дожидаясь реакции самой системы.

Одно из моих самых сильных впечатлений того времени – ситуация, так сказать, абсолютного непонимания (и, может быть, даже – нежелания взаимопонимания) между людьми, в данном случае, между Шрейдерам и Максимом. Возможность толковать каждое слово, каждое действие противоположным образом.

Дело продолжалось долго. В конце концов, мы собрали «собрание» – Шрейдер, Миша Арапов, Леночка Ефимова, я и Максим. Я не помню точно, кто и что говорил. Помню примерно, что говорил я сам. Конечно, не сами слова, а примерный их смысл. По крайней мере, через 25 лет так это мне помнится:

«Ситуация конфликтная и безвыходная. Максим имеет право на поступок. Но, в то же время, его поступок ставит под удар Шрейдера. Шрейдер – партийный, начальник. У него этот сектор. Это его сектор, он его создал, и он имеет право решать – кто здесь работает. И раз он чувствует угрозу и хочет, чтобы Максим ушел – Максим должен уйти. Тем более, что они со Шрейдерам друг друга не любят и друг другу не верят».

В результате мы согласились, что Максим будет искать другую работу и как только найдет, сразу уйдет. Так и было.

Леночка Ефимова после этого вскоре тоже ушла – как бы из солидарности с Максимом.

Я остался. И, вроде бы, сохранил отношения и со Шрейдерам, и с Максимом (и при всей болезненности этого конфликта, мое отношение к каждому из них, в общем-то, не изменилось). Но обстановка в секторе стала уже другой, что-то кончилось.^С

* * *

Но мы работали вместе со Шрейдерам еще лет десять. Потом была эта уже его история (с исключением из партии), и его перевели в другой отдел. А потом он ушел в другой институт. И мы встречались уже не очень часто. Хотя, уже после начала «перестройки» написали даже вместе статью – про науку и положение в науке. Но так и не смогли ее опубликовать, только через какое-то время сильно урезанный и отредактированный ее вариант был опубликован в каком-то никому неизвестном журнале⁷.

* * *

---

⁷ Статья была опубликована в исходном виде в 2008 г., к 10-летию со дня смерти Ю.А. Борщев В.Б., Шрейдер Ю.А. 1987-2008. Нужно ли управлять наукой? *НТИ*, Серия 2, № 10, 2008. 2-9. (http://www.polit.ru/science/2008/09/04/borshev_schreider.html)

Недели за две до его смерти, мы встретились на Соколе. Я передал ему два экземпляра сборника в честь Ninon Коваль, в котором были и его статья, и моя. Я успел до этого прочитать его статью, и мы о ней поговорили. И просто потрепались.

А он мою статью не читал. Мне потом хотелось позвонить ему, спросить, что он о ней думает. Но замотался, не позвонил. Теперь – не позвонишь...

---

^A Из комментария Саши Раскиной:

«... И я не знаю, есть ли время, но ведь все-таки Шрейдер такой был яркой, уникальной личностью, таким сильным мыслителем – может ты вспомнишь какой-нибудь яркий факт, какую-нибудь конкретную замечательную идею или новое неординарное направление, или как он всегда понимал, что хочет сказать докладчик, что спрашивают слушающие, что следует из доклада (часто лучше, чем сам докладчик). Как его интересовали ВСЕ науки и ВСЕ области знания. И как все из него черпали. И он из всех черпал. Даже теми, кто говорил невнятно и путанно, он как-то ухитрялся себя подпитывать. И именно в нем энергия «не исчезала и не появлялась», а все время «переходила из одного вида в другой».

^B Вдова Ю.А., Т.Д. Венцель, сообщила мне, что в общине, которой тогда интересовалось КГБ, Ю.А. не состоял, и вообще ни в какой общине не состоял, просто ходил в церковь. А обвиняли его в том, что он участвовал в крещении другого человека, и исключили с формулировкой «за вовлечение в католицизм» (хотя этот человек был взрослым). Апелляцию Ю.А. подавал, так как боялся, что если не подать, то репрессии будут хуже (дело было еще до перестройки). Но в ЦК уже не апеллировал, тут уже боялся, что могут и в самом деле восстановить.

^C Из комментария Саши Раскиной:

«... Глава «Конфликт». Понятна ли читателю позиция Шрейдера? Я в это время у Шрейдера уже не работала, но он мне все очень подробно рассказывал. Его эта история очень мучила. Важно, что он не побежал по начальству, а взвесил свои силы и сказал, что он не берется руководить сектором, где продолжает работать Максим. И если Максим остается, он, Шрейдер, немедленно уходит. Так, по крайней мере, Шрейдер рассказывал мне. Рассказывал он также, что к нему приходил домой Мельчук обсудить ситуацию. Шрейдер сказал: «Я не могу работать в секторе, где работает автор такого письма». А Мельчук ответил: «А я не могу оставаться в стране, где человека за такое письмо вынуждают уйти с работы. При этом разговор был человеческий и как бы мирный, без взаимных обвинений и упреков.

Из письма Максима Хомякова (получено, как и другие комментарии, по e-mail'у):

Volodya,

I've read your article. It looks perfectly OK to me.

Sure, my view of the conflict is different, but it is not the point.

What matters here is YOUR recollection of events and characters.

See you

Maxim